УДК 351.853.1:316.73

А. Ю. Серикова

Трудное наследие в работах зарубежных исследователей: сущность и трактовки

Статья посвящена подходам к изучению трудного наследия и его трактовкам в исследованиях зарубежных авторов. Динамика осмысления трудного наследия демонстрируется при помощи выделения трех влиятельных трудов, которые сформировали определенные траектории рассмотрения трудного наследия в научной литературе. Отмечается, что монография Дж. Танбриджа и Г. Эшворта поместила трудное наследие в дискурс менеджмента наследия и туризма, работа Ш. Макдональд задала направление исследования материального наследия, архитектурных сооружений как трудного наследия, а труд В. Логана и К. Ривса способствовал развитию кросскультурных и междисциплинарных исследований трудного наследия.

Ключевые слова: трудное наследие, диссонантное наследие, культурное наследие, новые виды наследия

Anastasia Yu. Serikova

Difficult heritage in the papers of foreign researchers: essence and interpretations

The article is devoted to approaches to the study of difficult heritage and its interpretation in the studies of foreign authors. The dynamic of comprehension of the difficult heritage is demonstrated by highlighting three influential works that have formed certain trajectories of the consideration of difficult heritage in scientific literature. It is noted that the monograph by J. E. Tunbridge and G. J. Ashworth placed difficult heritage in the discourse of heritage management and tourism. The work of S. Macdonald sets the direction for the study of material heritage and architectural structures as a difficult heritage. The study of V. Logan and C. Reeves contributed to the development of cross-cultural cultural and interdisciplinary studies of the difficult heritage.

Keywords: difficult heritage, dissonant heritage, heritage studies, memory studies, cultural heritage, new types of heritage
DOI 10.30725/2619-0303-2022-3-108-114

Трудное наследие является молодым направлением междисциплинарных гуманитарных исследований, возникшим в конце XX в. под влиянием постмодернистской теории, новой и критической музеологии, направлений memory и trauma studies, публичной истории. Консенсус в научном сообществе относительно наилучшего прилагательного, описывающего специфику такого наследия, еще не сложился, как и само определение трудного наследия. Поэтому наравне с непосредственно трудным наследием (difficult heritage) для его обозначения в зарубежной литературе употребляются такие выражения, как: диссонантное наследие (dissonant heritage), оспариваемое наследие (contested heritage), некомфортное наследие (uncomfortable heritage), токсичное наследие (toxic heritage), темное наследие (dark heritage), нежелательное наследие (undesirable heritage) и многие другие варианты, в том числе и подразумевающие замену слова «наследие» на «прошлое», «период» или «время» (past, period, time).

В этой статье мы рассматриваем только те работы зарубежных исследователей, которые четко артикулируют трудное наследие именно как «наследие», тем самым мы концентрируемся на трудах, которые включают трудное наследие в профессиональный дискурс музеологии и исследований наследия и намечают его границы как нового вида наследия. Чтобы кратко показать современное состояние исследований и перспективы изучения трудного наследия как междисциплинарного направления, мы рассмотрим подходы к трактовкам трудного наследия, предлагаемые в наиболее значимых зарубежных трудах, которые задали определенные рамки изучения этого историко-культурного феномена. Критерием отбора таких работ является их «влиятель-

ность» в терминологии К. Хадсона [1]: способность оригинально и ярко проложить новый путь, которому последовали другие специалисты. Но, если в случае с влиятельными музеями, о которых писал К. Хадсон, деятельность музеев-первопроходцев оказывала влияние на работу других музеев, то в отношении трудного наследия влиятельные труды скорее подводят некоторые итоги развития музейной практики в определенный момент времени и влияют в первую очередь на формирование траекторий дальнейшего теоретического осмысления трудного наследия, а не на музейную практику.

Идея наследия «со знаком минус» возникла на несколько десятилетий раньше появления самого этого понятия. Первыми шагами для этого стала «вторая музейная революция» (конец 1960-х – начало 1970-х гг.) как ответ на кризис культуры и музеев того периода [2], декларация Сантьяго-де-Чили (1972 г.), новое определение музея, предложенное Международным советом музеев (ИКОМ), развитие музеологической теории и новых типов музеев. Это вызвало первые попытки защитить и сделать музеи на местах преступлений против человечества, первые из которых возникли еще на рубеже 1950–1960-х гг. в Польше, Германии и Израиле. Проблема трудного наследия впервые была четко сформулирована в сфере управления наследием. Связано это было с внесением в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО острова Горе в Сенегале (1978 г.) и концентрационного лагеря Аушвиц–Биркенау в Польше (1979 г.). Результатом появления в Списке Всемирного наследия этих объектов стало принятие поправки ЮНЕСКО в 1979 г., призванной «ограничить дальнейшее включение в Список других похожих мест» [3, p. 112] (которая, однако, иногда нарушается: в 1996 г. в Список был внесен купол Гэмбаку в Хиросиме, в 2010 г. – атолл Бикини, Маршалловы острова [4]).

В 1980-е гг. было опубликовано несколько работ, оказавших значительное влияние на формирование методологических рамок исследований наследия (heritage studies), исследований памяти (memory studies) и опосредованно через них – на развитие идеи трудного наследия. В первую очередь это монография Д. Лоуэнталя [5] 1985 г., в которой он описывал примеры того, как прошлое в разные периоды и на разных континентах влияло на восприятие настоящего. Использовавшийся им при этом сюжет о репрезентации прошлого в музеях и СМИ до сих пор не теряет популярности среди исследователей [6]. Не менее значимой является и серия работ «Места памяти» [7] под редакцией П. Нора, выходившая в свет с 1984 по 1992 г. В ней П. Нора предложил концепцию «мест памяти» как мест не только материальных, топографических, но и символических, неосязаемых. Эти труды способствовали появлению новых музейных практик работы с трудным наследием, в частности документальных центров [8]. Их целью была защита как топографического места, исторических документов, так и некоторых нематериальных составляющих трагических исторических событий. Постепенно концепции направлений studies и trauma studies проникают в музеологию, что находит отражение в профессиональной музеологической периодике 1990-х гг., в которой начинают появляться первые статьи, рефлексирующие опыт музеев, работающих с трудным наследием разных стран (Т. Давай [9; 10]).

Таков был контекст развития идеи трудного наследия и появления первой влиятельной монографии, полностью посвященной этому историко-культурному феномену. В научную литературу понятие «диссонантное» наследие было введено в 1996 г. британскими исследователями Дж. Е. Танбриджем и Гр. Дж. Ашвортом [11], изучавшими различные аспекты географии наследия, маркетинга территорий и урбанистики. В своем исследовании они предлагают концепцию «диссонанса» в отношении управления наследием, связанного с насилием и войнами. Авторы используют это термин для показа противоречивого характера наследия, который возникает, когда субъекты приписывают прошлому разные значения и ценности. Интерпретации объектов, мест, событий люди или практики из прошлого создают диссонанс и бросают вызов доминирующему в обществе восприятию наследия как связанного с гармонией и согласованными взглядами на прошлое. Авторы обращают внимание, что не только то, что интерпретируется, но и то, как это интерпретируется и кем, создаст вполне конкретные сообщения о ценности и значении конкретных исторических мест и прошлого, которое они представляют [11, p. 27]. Отталкиваясь от конфликтности наследия, в работе 2007 г. авторы переходят к размышлениям о сущности культурного

наследия. Они фокусируют внимание на тезисе о том, что культурное наследие не может быть общим для современных обществ ввиду их неоднородности, гетерогенности. Тот факт, что понятие «культурное наследие» исторически тесно связана с идеологией и развитием национальных государств, придает их подходу некоторую степень «взрывоопасности» [12].

Работа Дж. Танбриджа и Г. Эшворта, поместившая трудное наследие в дискурс менеджмента наследия и туризма, задала одну из наиболее популярных траекторий его рассмотрения, которую в дальнейшем избирали для себя многие исследователи. Р. Хартманн [13] в статье 2013 г. справедливо отмечает все возрастающую туристическую популярность мест и музеев, связанных трагическими историческими событиями, и сравнивает три работы, предпринимающие попытки концептуализировать место такого наследия в рамках культурного туризма. Помимо «диссонанса» наследия Дж. Танбриджа и Г. Эшворта, он анализирует концепты «танатотуризма» (thanatourism), предложенного Т. Ситон, и «темного туризма» (dark tourism), впервые сформулированного Дж. Ленноном и М. Фоли. Р. Хартманн подробно останавливается на развитии и взаимодействии этих трех концептов и приходит к выводу, что глобализация способствует интеграции диссонантного наследия и темного туризма в более широкий контекст исследований туризма, в том числе за пределами Европы. В исследовании 2015 г. К. Робертс и Ф. Стоун [14] подробно останавливаются на ключевых параметрах темного туризма и его фундаментальных взаимосвязях с диссонантным наследием. Анализируя ключевые темы, проблемы и последствия конструирования и распространения знаний посредством темного туризма, авторы отмечают, что дискурсы культурного наследия и темного туризма легко находят точки пересечения при работе с темами войн, катастроф и социальных конфликтов.

Две другие значимые работы в области трудного наследия были опубликованы практически одновременно в конце 2000-х гг. К этому моменту идеи memory studies и возникшей во второй половине 1990-х гг. trauma studies еще глубже вошли в музейную практику работы с трудным наследием в разных странах. В Германии в этот период активно реализуется практика музеефикации «мест виновных в преступлениях» национал-социализма и открытии на них документационных центров. Интенсивная работа в Германии по музейной интерпретации трудного наследия стимулирует создание музеев, сохраняющих память о трагических исторических событиях, преступлениях против человечности в других странах, например, новый музей и экспозиция «Яд ва-Шем» (2005 г.), музей истории польских евреев «Полин» (2013 г.) [15].

Исследование Ш. Макдональд, начавшееся с серии статей [16] и завершившееся публикацией монографии [17] в 2009 г. напрямую связано с процессами сохранения и музеефикации памятников архитектуры, отражающих период национал-социализма в Германии. Ее работа по изучению судьбы послевоенного архитектурного наследия Нюрнберга опирается на концепцию «диссонантного» наследия Дж. Танбриджа и Г. Эшворта, и в частности на одну из его подкатегорий, выделенную исследователями: «„нежелательное“ наследие, то, что общество или его части предпочли бы не слышать о себе или позволили бы услышать другим» [11, p. 29]. Эта идея тесно связана с предположением, что наследие является источником гордости, ассоциируется с величием, удовольствием, уверенностью в себе, положительными эмоциями. Диссонанс эмоций, которые вызывают материальные объекты, архитектурные сооружения, связанные с трагическими историческими событиями или периодами, вызывает дискуссию, следует ли уничтожить или изменить физическое наследие чтобы стереть неприятное прошлое или попытаться перестроить свою идентичность.

В центре внимания Ш. Макдональд как раз находится проблема взаимоотношений наследия и идентичности. Автор предлагает определение «трудного» наследия, под которым понимает прошлое, «признанное значимым в настоящем, но также оспариваемым и неудобным для общественного примирения и выстраивания позитивной, самоутверждающейся современной идентичности» [17, p. 2–4]. В своих работах Ш. Макдональд [16, 17] применяет историко-этнографический подход к трудному наследию как особому виду «ансамбля» с опорой на методы истории, этнографии, социологии. Наследие рассматривается в дискурсивном и материальном контекстах, с особым вниманием к людям, взаимодействующих с ним на самых разных уровнях. Анализируя практику работы с трудным

наследием в Нюрнберге, автор выделяет подходы тривиализации (trivialisierung – упрощение) или «профанации» и антимузеефикации (отказа от употребления слова музей в отношении созданной институции сохранения наследия и замена его на «центр документации» во избежание сакрализации памятника архитектуры и его экспозиции) в качестве способов помещения памяти о периоде национал-социализма в конструкцию современной идентичности в Германии.

Статьи и монография Ш. Макдональд, касающиеся проблематики трудного наследия, быстро получили признание в научном сообществе. В свою очередь они заложили новую траекторию изучения и анализа трудного наследия, в центре которой находится материальное, недвижимое наследие, чаще всего памятники архитектуры, связанные с теми или иными травматичными историческими событиями. Под влиянием работ Ш. Макдональд в дискурсе трудного наследия стали рассматриваться памятники архитектуры Италии периода правления Б. Муссолини. Среди целой плеяды его исследователей, кратко отметим Х. Малоне [18], которая очерчивает общую картину взаимоотношений архитектуры, наследия и памяти этого периода в современной Италии и продолжающих ее работу Н. Картера и С. Мартина [19]. В 2019 г. итальянская исследовательница Ф. Бартолини [20] защитила в Центре исследования наследия Кембриджа одну из первых диссертаций, посвященную трудному наследию в современной Италии. При этом конкретные примеры работы с трудным наследием также попадают во внимание исследователей, в частности атриум в Фарли [21] и практики сохранения архитектуры периода режима Б. Муссолини на Сицилии [3]. Постепенно последователи Ш. Макдональд начинают отходить от практики применения этнографического подхода только к изучению материальных объектов трудного наследия. Например, Дж. Тиниус [22] использует этнографический анализ для изучения хореографических проектов не только как визуальных практик, но и опосредованного травматического прошлого, трудного наследия, вписанного в музеологические нарративы, предметы и пространства.

Третья значимая монография, посвященная трудному наследию, была опубликована в 2009 г. и представляет собой результат коллективной работы группы экспертов из разных областей под редакцией австралийских исследователей культурного наследия В. Логана и К. Ривса [23]. В центре внимания авторов сборника находятся места, презентующие трагические и болезненные периоды не только в Европе, но и в странах Юго-Восточной Азии, Австралии, Африки, Северной Америки, а также стратегии и практики взаимодействия трудного наследия в них. Строя свою методологию изучения трудного наследия на базе кросскультурного исследования отдельных практических кейсов, исследователи опираются на концепты memory studies trauma studies, а также на работу Дж. Танбриджа и Г. Эшворта. Вместо собственной интерпретации трудного наследия В. Логан и К. Ривс предлагают разделить его на четыре группы мест: места массовых убийств и геноцидов; места, связанные с войнами; гражданские и политические тюрьмы; лагеря для интернированных. Авторы помещают трудное наследие в контекст культурного наследия и отмечают, что расширение этого понятия, признание нематериального наследия отражают сдвиги в общественных интересах и дают возможность заявлять о трудном наследии. Но такое расширение требует нового философского обоснования наследия. Ключевой вопрос заключается в том, существуют ли ограничения на то, какие места из прошлого необходимо сохранять, и если да, то каковы они. На него авторы отвечают словами Д. Ловенталя: «худшие ужасы прошлого невозможно воспроизвести» [5, p. 194], не каждое место, связанное с трагическими событиями, имеет смысл превращать в музей, но создание лаконичных мемориальных пространств на местах трагедий может иметь глубокое положительное влияние на сообщества.

Исследование В. Логана и К. Ривса заложило траекторию междисциплинарного и кросс-культурного подхода к трудному наследию, который получил наибольшую популярность в наши дни. Ярким примером междисциплинарного исследования данной проблематики с опорой на научный инструментарий исследований наследия, археологии и этнографии является монография Г. Уоллентца [24], посвященная трудному наследию как вневременному, с ходом времени не теряющему свою травматичность для места, где происходило то или иное событие. Исследователь обращается к темпоральности трудного наследия

через примеры ландшафтов, где происходили инциденты, связанные с массовой гибелью людей в XX в. (Мостар, Босния и Герцоговина), в средневековье (битва на Косовском поле 1389 г., Сербия) и в доисторический период (форт железного века Сандби Борг, Швеция), что позволяет переосмыслить взаимоотношения времени и места касательно трудного наследия.

Развитие междисциплинарного подхода сделало возможным исследования трудного наследия в контексте современной визуальной культуры и цифрового пространства. Например, работа К. Морган и П. Палласио [25] 2015 г., посвященная изучению трудного наследия с акцентом на трансатлантической работорговле в сети Интернет, дает представление об эффективности официальных и неформальных онлайн-ресурсов при помощи комбинации количественных и качественных методов исследования. С тех пор проблема репрезентации трудного наследия в цифровом и визуальном пространстве только продолжала увеличиваться, что побудило Центр антропологических исследований музеев и наследия Берлинского университета им. Гумбольдта, возглавляемый Ш. Макдональд, запустить междисциплинарный исследовательский проект «Курируя цифровые изображения» (Curating Digital Images), который фокусируется на изучении цифровых изображений наследия (в том числе и трудного) в музейном контексте с позиции антропологических исследований [26]. Первые опубликованные результаты этого проекта, посвященные фотографиям посетителей на фоне мемориала Холокоста в Берлине, говорят о том, что, сфотографировав объект наследия, контекстуализируя и распространяя его изображения, посетители не просто демонстрируют конкретное место. За счет цифровой передачи своих эмоций на фотографиях они участвуют в создании этого места [27].

«Трудное/диссонантное наследие» за последние двадцать лет стало лозунгом критических исследований наследия в отношении болезненного прошлого не только в странах Европы, но и далеко за ее пределами [28]. На пленарной лекции о социальных и концептуальных проблемах нового междисциплинарного поколения исследователей наследия четвертого Форума наследия в Кракове 2017 г. Дж. Танбридж отмечал, что в своей работе 1996 г. под термином «диссонантное» он и Г. Эшворт не имели в виду особого вида наследия, а что-то общее, что есть у всего наследия [29]. В своем выступлении на том же форуме Ш. Макдональд также подчеркнула имманентно конфликтный характер культурного наследия, которое почти всегда используется различными заинтересованными группами для управления прошлым того или иного региона, страны в своих интересах [28]. В опубликованной годом ранее монографии В. Кисич высказывается очень похожая идея «диссонанса» наследия – «скрытого качества любого наследия, его пассивного потенциала, который свидетельствует об игре различных дискурсов и открывает пространство для множества разноплановых интерпретаций» [30]. Это можно расценивать как постепенное формирование научного консенсуса вокруг такого подхода к пониманию сущности трудного наследия, который был бы невозможен без рассмотренных влиятельных трудов Дж. Танбриджа и Г. Эшворта, Ш. Макдональд, В. Логана и К. Ривса и многочисленных работ их последователей и учеников. Однако даже если по этому вопросу консенсус будет окончательно достигнут, одной из центральных проблем трудного наследия остается выделенная В. Логаном и К. Ривсом необходимость нового философского обоснования наследия в условиях расширения его границ и определения ограничений или критериев по отбору материальных и нематериальных свидетельств не только трудного наследия прошлого, но и событий современности для передачи их будущим поколениям.

Список литературы

1. Хадсон К. Влиятельные музеи: пер. с англ. Новосибирск: Сибир. хронограф, 2001. 196 с.

2. Ананьев В. Г. История зарубежной музеологии: идеи, люди, институты. Москва: Памятники ист. мысли, 2018. 392 с.

3. Samuels J. Coming «to Terms» with Sicily`s Fascist Past // Heritage Keywords: Rhetoric and Redescription in Cultural Heritage. Boulder, Colorado: Univ. Press of Colorado, 2015. P. 111–128.

4. Атолл Бикини // ЮНЕСКО: офиц. сайт. URL: https://whc.unesco.org/ru/list/1339 (дата обращения: 08.11.2021).

5. Lowenthal D. The Past is a Foreign Country. Cambridge, 1985. 489 p.

6. Фелькер А. В. Исследования наследия и политики памяти – в поисках общих подходов // Политическая наука. 2018. № 3. С. 28–44.

7. Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. С. 17–50.

8. Черкаева О. Е. Тема национал-социализма в Германии: специфика музейного показа // Общество: 2019. № 9 (65). С. 129–133.

9. Даффи Т. Концепция музея мира // Museum. 1993. № 3. С. 4–9.

10. Даффи Т. Музеи «человеческого страдания» и борьбы за права человека // Museum. 2001. № 3. С. 10–17.

11. Tunbridge J. E., Ashworth G. J. Dissonant Heritage: The Management of the Past as a Resource in Conflict. Chichester: John Wiley & Sons Ltd, 1996. 305 p.

12. Ashworth G. J., Graham B., Tunbridge J. E. Pluralising Pasts: Heritage, Identity and Place in Multicultural Societies. London: Pluto Press, 2007. XII, 236 p.

13. Hartmann R. Dark Tourism, Thanatourism, and Dissonance in Heritage Tourism Management: New Directions in Contemporary Tourism Research // Journal of Heritage Tourism. 2014. Vol. 9, N 2. P. 166–182.

14. Roberts C., Stone P. R. Dark Tourism and Dark Heritage: Emergent Themes, Issues, and Consequences // Displaced Heritage: Histories and Tourism: Responses to Disaster, Trauma, and Loss / ed.: I. Convery, G. Corsane, P. Davis. Woodbridge: Boydell Press, 2014. P. 9–18.

15. Серикова А. Ю. «Диссонантное» наследие в музеях России: концепция, миссия, интерпретация // Седьмой Всероссийский конкурс молодых ученых в области искусств и культуры: сб. работ лауреатов. Москва: Ин-т наследия, 2020. С. 1165–1199.

16. Macdonald Sh. Undesirable Heritage: Fascist Material Culture and Historical Consciousness in Nuremberg // International Journal of Heritage Studies. 2006. Vol. 12, N 1. P. 9–28.

17. Macdonald Sh. Difficult Heritage: Negotiating the Nazi Past in Nuremberg and Beyond. London; New York: Routledge, 2009. VIII, 231 p.: Ill.

18. Malone H. Legacies of Fascism: Architecture, Heritage, and Memory in Contemporary Italy // Modern Italy. Spec. iss. «The Force of History». 2017. Vol. 22, N 14. P. 445–470.

19. Carter N., Martin S. Dealing with Difficult Heritage: Italy and the Material Legacies of Fascism // Modern Italy. 2019. Vol. 24, N 2. P. 117–122.

20. Bartolini F. Dealing with a Dictatorial past: Fascist monuments and conflicting memory in contemporary Italy // Monument Culture, International Perspectives on the Future of Monuments in a Changing World / ed. L. Macaluso. Lanham; Boulder; New York; London, 2019. P. 233–242.

21. Leech P. Dissonant Historical Heritage and the Role of Cultural Institutions: the Case of ATRIUM in Forlì // The Role of Cultural Institutions and Events of the Marketing of Cities and Regions. Lodz: Lodz Univ. Press, 2016, P. 105–115.

22. Tinius J. «Animated Words, Will Accompany My Gestures»: Seismographic Choreographies of Difficult Heritage in Museums // The Future Contemporary 1: Moving Spaces: Enacting Dance, Performance, and the Digital in the Museum. Venezia, 2021. P. 81–96.

23. Places of Pain and Shame: Dealing with Difficult Heritage / ed. W. Logan, K. Reeves. Milton Park, Abingdon, Oxon: Routledge, 2009. XII, 290 p.: ill.

24. Wollentz G. Landscapes of Difficult Heritage. Cham: Palgrave Macmillan, 2020. 293 p.

25. Morgan C., Pallascio P. M. Digital Media, Participatory Culture, and Difficult Heritage: Online Remediation and the Trans-Atlantic Slave Trade // Journal of African Diaspora Archaeology and Heritage. 2015. Vol. 4, N 3. P. 260–278.

26. Bareither C., Macdonald S. Greifeneder E., et al. Curating Digital Images: Ethnographic Perspectives on the Affordances of Digital Images in Museum and Heritage Contexts // International Journal for Digital Art History. 2021. № 8. P. 83–92.

27. Bareither C. Difficult Heritage and Digital Media: 'selfie culture' and emotional practices at the Memorial to the Murdered Jews of Europe // International Journal of Heritage Studies. 2021. Vol. 27, iss. 1. P. 57–72.

28. Laarse R. V. Lety Roma Camp: Discovering the Dissonant Narratives of a Silenced Past // Accessing Campscapes: Inclusive Strategies for Using European Conflicted Heritage. 2017. № 2. P. 30–41.

29. Tunbridge J. The Changing of the Guard: A Heritage Perspective Through Time // Heritage Forum of Central Europe / ed. R. Kusek, J. Purchla. Krakow, 2019. P. 13–24.

30. Серикова А. Ю. [Рец. на кн.:] Kisić V. Governing Heritage Dissonance. Promises and Realities of Selected Cultural Policies. Belgrade: European Cultural Foundation (ECF), 2016. 328 p. ISBN/EAN 978-90-6282-069-6 // Музей. Памятник. Наследие. 2022. № 1 (11). С. 160–169.

References

1. Hudson K. Influential museums: transl. from English. Novosibirsk: Siberian Chronograph, 2001. 196 (in Russ.).

2. Ananiev V. G. History of foreign museology: ideas, people, institutions. Moscow: Monuments of historical thought, 2018. 392 (in Russ.).

3. Samuels J. Coming «to Terms» with Sicily`s Fascist Past. Heritage Keywords: Rhetoric and Redescription in Cultural Heritage. Boulder, Colorado: Univ. Press of Colorado, 2015. 111–128.

4. Atoll Bikini. UNESCO: offic. website. URL: https://whc.unesco.org/ru/list/1339 (accessed: Nov. 08.2021) (in Russ.).

5. Lowenthal D. The Past is a Foreign Country. Cambridge, 1985. 489.

6. Felker A. V. Studies of heritage and politics of memory - in search of common approaches. Political Science. 2018. 3, 28–44 (in Russ.).

7. Nora P. Problems of places of memory. France-memory. Saint-Petersburg: Publ. house of Saint-Petersburg univ., 1999. 17–50 (in Russ.).

8. Cherkaeva O. E. The theme of national socialism in Germany: the specifics of the museum display. Society: 2019. 9 (65), 129–133 (in Russ.).

9. Duffy T. The concept of the museum of the world. Museum. 1993. 3, 4–9 (in Russ.).

10. Duffy T. Museums of «human suffering» and the struggle for human rights. Museum. 2001. 3, 10–17 (in Russ.).

11. Tunbridge J. E., Ashworth G. J. Dissonant Heritage: The Management of the Past as a Resource in Conflict. Chichester: John Wiley & Sons Ltd, 1996. 305.

12. Ashworth G. J., Graham B., Tunbridge J. E. Pluralising Pasts: Heritage, Identity and Place in Multicultural Societies. London: Pluto Press, 2007. XII, 236.

13. Hartmann R. Dark Tourism, Thanatourism, and Dissonance in Heritage Tourism Management: New Directions in Contemporary Tourism Research. Journal of Heritage Tourism. 2014. 9 (2), 166–182.

14. Roberts C., Stone P. R. Dark Tourism and Dark Heritage: Emergent Themes, Issues, and Consequences. Displaced Heritage: Histories and Tourism: Responses to Disaster, Trauma, and Loss / ed.: I. Convery, G. Corsane, P. Davis. Woodbridge: Boydell Press, 2014. 9–18.

15. Serikova A. Yu. «Dissonant» heritage in Russian museums: concept, mission, interpretation. Seventh All-Russian competition of young scientists in the field of arts and culture: coll. work of the laureates. Moscow: Inst. of Heritage, 2020. 1165–1199 (in Russ.).

16. Macdonald Sh. Undesirable Heritage: Fascist Material Culture and Historical Consciousness in Nuremberg. International Journal of Heritage Studies. 2006. Vol. 12, N 1. P. 9–28.

17. Macdonald Sh. Difficult Heritage: Negotiating the Nazi Past in Nuremberg and Beyond. London; New York: Routledge, 2009. VIII, 231: ill.

18. Malone H. Legacies of Fascism: Architecture, Heritage, and Memory in Contemporary Italy. Modern Italy. Spec. iss. «The Force of History». 2017. 22 (14), 445–470.

19. Carter N., Martin S. Dealing with Difficult Heritage: Italy and the Material Legacies of Fascism. Modern Italy. 2019. 24 (2), 117–122.

20. Bartolini F. Dealing with a Dictatorial past: Fascist monuments and conflicting memory in contemporary Italy. Monument Culture, International Perspectives on the Future of Monuments in a Changing World / ed. L. Macaluso. Lanham; Boulder; New York; London, 2019. 233–242.

21. Leech P. Dissonant Historical Heritage and the Role of Cultural Institutions: the Case of ATRIUM in Forlì. The Role of Cultural Institutions and Events of the Marketing of Cities and Regions. Lodz: Lodz Univ. Press, 2016. 105–115.

22. Tinius J. «Animated Words, Will Accompany My Gestures»: Seismographic Choreographies of Difficult Heritage in Museums. The Future Contemporary 1: Moving Spaces: Enacting Dance, Performance, and the Digital in the Museum. Venezia, 2021. 81–96.

23. Logan W. (ed.), Reeve K. (ed.). Places of Pain and Shame: Dealing with Difficult Heritage. Milton Park, Abingdon, Oxon: Routledge, 2009. XII, 290: ill.

24. Wollentz G. Landscapes of Difficult Heritage. Cham: Palgrave Macmillan, 2020. 293.

25. Morgan C., Pallascio P. M. Digital Media, Participatory Culture, and Difficult Heritage: Online Remediation and the Trans-Atlantic Slave Trade. Journal of African Diaspora Archaeology and Heritage. 2015. 4 (3), 260–278.

26. Bareither C., Macdonald S. Greifeneder E., et al. Curating Digital Images: Ethnographic Perspectives on the Affordances of Digital Images in Museum and Heritage Contexts. International Journal for Digital Art History. 2021. 8. 83–92.

27. Bareither C. Difficult Heritage and Digital Media: 'selfie culture' and emotional practices at the Memorial to the Murdered Jews of Europe. International Journal of Heritage Studies. 2021. 27 (1), 57–72.

28. Laarse R. V. Lety Roma Camp: Discovering the Dissonant Narratives of a Silenced Past. Accessing Campscapes: Inclusive Strategies for Using European Conflicted Heritage. 2017. 2, 30–41.

29. Tunbridge J. The Changing of the Guard: A Heritage Perspective Through Time. Heritage Forum of Central Europe / ed. R. Kusek, J. Purchla. Krakow, 2019. 13–24.

30. Serikova A. Yu. [Book Review:] Kisić V. Governing Heritage Dissonance. Promises and Realities of Selected Cultural Policies. Belgrade: European Cultural Foundation (ECF), 2016. 328 p. ISBN/EAN 978-90-6282-069-6. Museum. Monument. Heritage. 2022. 1 (11), 160–169 (in Russ.).